
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 327.83

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

POLICY IN THE AREA OF CITIZENSHIP OF ARAB STATES IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF MIGRATION PROCESSES IN THE MIDDLE EAST

С.В. Кривов, И.В. Рыжов, Е.В. Гнездова (Сидорова)
S.V. Krivov, I.V. Ryzhov, E.V. Gnezdova (Sidorova)

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23*

*National research Nizhny Novgorod state University,
23 Gagarina av., Nizhni Novgorod, 603950, Russia*

e-mail: ivr@fmo.unn.ru

Аннотация. Данная статья посвящена освещению некоторых аспектов политики арабских государств в области гражданства, включая отношение к институту гражданства, проблемы натурализации мигрантов и специфику отношения к проблеме в субрегионах Ближнего Востока. В настоящее время миграция населения выступает важнейшим фактором, определяющим динамику социально-экономических процессов. Проблема вынужденных мигрантов является одной из наиболее важных демографических проблем не только на Арабском Ближнем Востоке, но и во всем мире в целом. Но следует учитывать, что как политика по адаптации и интеграции переселенцев, так и подходы к предоставлению национального гражданства, как правило, остаются вне поля зрения исследователей. Конструктивизм является одним из методологических подходов к анализу социальных факторов и процессов в арабском мире. Использование конструктивистского подхода способствует более глубокому пониманию политических и социальных процессов на Арабском Ближнем Востоке. Эффективное управление миграционными процессами позволит создать необходимые условия для соблюдения прав и свобод человека, повышения качества жизни населения, снятия социальной напряженности.

Resume. This article is devoted to some aspects of policy of the Arab States in the area of citizenship, including attitudes towards the institution of citizenship, the problems of naturalisation of migrants and the specifics related to the problem in the subregions of the Middle East. Currently, migration is the major determining the dynamics of socio-economic processes factor. The problem of forced migrants is one of the most important demographic problem not only in the Arab Middle East, but throughout the world as a whole. But keep in mind that both the politics of adaptation and integration of migrants and the approaches to the granting of national citizenship, as a rule, remain out of sight of researchers. Constructivism is one of the methodological approaches to the analysis of social factors and processes in the Arab world. The use of the constructivist approach promotes a deeper understanding of political and social processes in the Arab Middle East. Effective management of migration processes will allow to create necessary conditions for the observance of the rights and freedoms of the person, improving the quality of life, removal of social tension.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, международная безопасность, политика в области гражданства, безопасность, интеграция, национальная безопасность, миграционная политика.

Keywords: migration, immigration, international security, policy in the area of citizenship, integration, national security, migration policy.

Арабская весна и последовавшие за ней события обусловили серьёзные изменения в сложившейся системе миграционных трендов в странах Ближнего Востока и поставили на повестку дня вопрос об изменении подходов к иммиграционной политике¹. В литературе указанный регион,

¹ Рыжов И.В., Бородина М.Ю. «Арабская весна» как квинтэссенция межарабских противоречий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 252-256.

как правило, рассматривается лишь как поставщик дешевой рабочей силы, а внутрирегиональные потоки сводятся исключительно к экономической эмиграции в страны Персидского залива. Однако фактические данные говорят о совершенно иной ситуации: в регионе уже давно сложилась сложная система разнонаправленных миграционных потоков, периодически усиливаемых волнами беженцев и вынужденных переселенцев.

Поскольку миграция внутри рассматриваемого региона, сама по себе воспринимается как временное (сезонное) явление, политика по адаптации и интеграции переселенцев, как правило, остаётся вне поля зрения исследователей. Учитывая, что значительная их часть де факто уже давно проживает на территории принимающих государств, фактически став частью их социумов, проблема выработки адекватной политики в отношении этих групп населения становится весьма актуальной. Не последнюю роль в этом играют подходы к предоставлению *национального гражданства*, смысл и содержание которого в ближневосточной практике не столь однозначны как в странах Запада¹.

В качестве методологического инструментария в работе используется структуралистский подход, который будучи частью конструктивистской методологии, отражает субъективное восприятие социальной реальности применительно к формальным категориям и позволяет учитывать отсутствие жестких рамок рассматриваемых явлений, а также недостаточную демаркацию понятий, свойственную ближневосточной традиции. Сложнее обстоят дела с теоретической базой, поскольку в исследовательской литературе вплоть до конца эпохи Холодной войны вопрос о международной миграции как о факторе международно-политического процесса попросту игнорировался. Однако в последнее время данный пробел стал восполняться. Так, М. Вайнер отмечает, что «вопросы миграции и проблемы беженцев больше не являются исключительно заботой министерств труда и иммиграции, а стали в настоящее время вопросами *большой международной политики...*»². В последние годы и особенно после террористических актов 11 сентября 2001 года миграционная политика во все большей степени вызывает интерес исследователей³. В центре внимания широкий спектр вопросов, таких, как воздействие международных миграционных потоков на потенциал государств, проблемы, стоящие перед иммиграционным и пограничным контролем, взаимосвязь между миграцией и общественной безопасностью, между миграцией и терроризмом, экологические проблемы и политика в отношении диаспор⁴. На системном уровне ряд теоретических исследований, в которых рассматриваются проблемы суверенитета и межгосударственных отношений, хотя и не затрагиваются напрямую вопросы миграционной политики, могут быть применены к изучению её отдельных аспектов. Среди них неореализм и теории гегемонистской устойчивости. Эмпирическая часть представлена материалами нормативного характера, а также данными статистического характера.

Политика в области гражданства может рассматриваться как часть миграционной политики, наряду с *квотами*, *визовыми требованиями*, политикой *адаптации* и *интеграции* переселенцев. Кроме того, это важная часть национального строительства и формирования идентичности. При этом каждая страна учреждает свою систему правил, предполагающую предоставление статуса гражданина или его атрибутов, оказывая тем самым влияние на рынок труда, программы по увеличению благосостояния, а также на демографическую ситуацию.

Как юридический институт, гражданство предполагает полное членство в государстве и связано с набором прав и обязанностей. Существуют различные пути его приобретения: по рождению, по натурализации, а также брак. Принцип *jus soli* (закон почвы), предполагает, что гражданство определяется местом рождения, а ребенок иммигрантов становится гражданином, если он родился в стране прибытия. Напротив, *jus sanguinis* (закон крови) предполагает наследование ребенком гражданства родителей вне зависимости от места рождения. Так, в Европе к XVIII в. *jus soli* был доминирующим принципом, следуя феодальной традиции, связывавшей существование человека с господином (сюзереном) и земельным наделом. Французская революция нарушила этот принцип введением Гражданского кодекса 1804 г., возродив античный римский принцип *jus sanguinis*, а современное континентальное романо-германское законодательство, по сути, утвердилось на этих основаниях, распространив их в течение XIX в. и на колонии. Япония также последовала принципу *jus sanguinis*, по всей видимости, копируя европейский опыт. С другой стороны, в Великобритании был сохранён средневековый принцип *jus soli*, быстро распространившийся на английские колонии, прежде всего на США. К концу XIX в. с завершением процесса формирования национальных государств большая часть стран мира связала приобретение гражданства с тем или иным типом правовой системы: *jus soli* стал нормой в странах общего права [common law], а *jus sanguinis* – в большинстве стран гражданского права [civil law]. Хотя Латинская Америка, несмот-

¹Рыжов И.В., Золина Д.М. Миграционная политика Франции: опыт для России. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/polit_rigov.html. (25.09.2016).

²Weiner M. Security, Stability, and International Migration // International Security. 1992. Vol. 17. No. 3. P. 91-126.

³Castles S., Miller M.J. Migration and Security // The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. New York. 2009. P. 150-210.

⁴Балашов Ю.А., Фомичева О.В. Особенности функционирования диаспоральных сообществ разделенных этнических групп // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 220-226.

ря на установление принципов гражданского права, приняла *jus soli*, по всей видимости, как противопоставление себя европейской метрополии, а Франция со своими колониями перешла в направлении смешанного режима. Впрочем, с середины XX века происходит процесс трансформации законодательства о гражданстве по всему миру.

В этом плане все арабские страны имеют систему *jus sanguinis* по отцовской линии [haqq al-dam], унаследованную от османского законодательства эпохи Танзимата. Закон от 1869 г. фактически порывал с предыдущей традицией конфессиональной и кланово-племенной принадлежности и вводил нетипичный для Ближнего и Среднего Востока светский принцип гражданской нации, поскольку на фоне распада империи возникла острая необходимость формирования новой идентичности и усовершенствования всей системы управления. В результате наряду с *исламской общностью* [الأمة الإسلامية - al-ummah al-islāmīyah] в арабском мире стала складываться новая форма членства - *национальность* [جنسية - jinsiyah] с новой политической организацией - *национальным государством* (الدولة القومية - al-dawlah al-watānīyah). Принцип *jus soli* [haqq al-iqlīm] рассматривается как вторичный, хотя его элементы можно найти в законодательстве ряда арабских государств. Так, в Кувейте, введенное ещё в 1948 г. понятие «урожденный кувейтеец» [ولد الكويتي - wld al-kuaytia] наряду с традиционным «кровным» принципом предусматривало получение гражданства детьми арабов и мусульман, рожденными на территории страны. Это явилось следствием влияния британского законодательства о гражданстве, а также достаточно ранним на фоне остальных монархий Персидского залива оформлением самостоятельной кувейтской государственности.

Европейские понятия «гражданство», «национальность» и «национальное государство» не имеют прямых аналогов в арабской традиции. Для обозначения *гражданства* в арабском языке уже в начале XX в. утвердился неологизм – *muwātanah* [مواطنية] на основе *watan*, означая первоначально лишь место проживания, но затем приобретя дополнительное значение – родина¹. Интересно, что в современном турецком языке аналогичный термин [*Vatandaşlık*] также имеет арабское происхождение, а попытка заменить его тюркским аналогом [*yurttaş*] в этом контексте не удалась. Корень *w-t-n* означает «проживание в том же месте», а причастная форма означает «соотечественник», в противоположность *ajnabī* [أجنبي] - иностранец неарабского происхождения. Само понятие *muwātin* предполагает в большей степени отношение к месту, например, к городу, нежели к власти, не закрепляя идею статуса и прав, получаемых подданными, а скорее указывая на различие между своими гражданами и иностранцами. Как выразился Льюис, термин *muwātin* относится больше к республиканскому правлению, нежели к либеральному гражданству, будучи ближе к понятиям родина и нация, нежели к правам и свободам². С середины XX в. за *muwātin* стали закрепляться и некоторые гражданские и политические атрибуты, а в политико-правовом смысле произошло его уравнивание с европейским термином гражданин, даже если содержание этого понятия отличается в соответствии с политико-правовой системой каждой страны. Наконец, в самое последнее время наметился общий сдвиг к абстрактному толкованию данного термина в юридических словарях арабских стран. Тем не менее, в большинстве арабских стран гражданство, как выражение правовой связи между индивидом и государством передается термином *jinsiya* [جنسية], буквально означающее происхождение (от *jins* – род, гендер). Так, например, марокканское законодательство упоминает только *jinsiya*, но не *muwatana*, выражая в равной степени национальность и гражданство. Также мы находим упоминание о ливанском гражданстве [*al jinsiyah al lubnaniyyah*] в официальной документации последнего времени, а также в литературе. Таким образом, дихотомическое противопоставление понятий применительно к гражданству [*nationality-citizenship*], свойственное и европейским языкам, имеет в арабском мире достаточно своеобразное измерение: территория [*muwātanah*] – происхождение [*jinsiya*].

Нельзя не отметить, что практика предоставления гражданства претерпевала постепенные изменения в арабских странах, выразившиеся в расширении круга лиц, в отношении которых могут делаться законодательные послабления. Так, в ряде государств была предоставлена возможность передавать гражданство своим детям и для женщин: в Тунисе (1993 г.), Египте (2004 г.), Алжире (2005 г.) и Марокко (2007 г.), а в отдельных странах была принята практика двойного гражданства. Однако, на наш взгляд, такие изменения явились скорее следствием общей демократизации политических режимов в странах Северной Африки в большей степени связанных с европейской повесткой дня, нежели с реальным изменением взглядов на гражданство и миграционную политику в арабском мире. Так, например, возможность политического участия, включая избирательные права, не была предоставлена нигде кроме Марокко, единственной страны, где это было закреплено в конституции 2011 г. на волне событий Арабской весны и требований *Движения 20 февраля*³.

В целом, развитие миграционных процессов на Ближнем Востоке обнаруживает существенное различие между двумя арабскими макрорегионами – *Машириком* и *Магрибом*, отражая фундаментальное разделение арабского мира. Так, в Египте и к востоку от него (Маширик) преоб-

¹ Browsers M.L. Political Ideology in the Arab World: Accommodation and Transformation. New York, 2009. P.50-75.

² Tibi B. Arab Nationalism: Between Islam and the Nation-State. New York. 1997, P.100-310.

³ Сидорова Е.В., Кривов С.В. Тенденции и противоречия демократизации современных арабских обществ: роль исламского фактора // Мировая политика. 2015. №4. С. 41-52.

ладает внутрирегиональная мобильность, являющаяся наследием Османской империи¹ и возможно своеобразной формой арабской региональной интеграции. Напротив, к западу от него (Магриб) основной вектор миграции имеет явный европейский характер. Несмотря на традиционные экономические связи с Африкой южнее Сахары, а также открытость для торговцев и переселенцев, условия международной миграции в странах Магриба в последнее время изменились в направлении ужесточения законодательства под влиянием внешних факторов и, прежде всего, отношений между Магрибом и европейскими государствами по проблемам транзитной миграции.

Стоит отметить, что арабское общество традиционно демонстрирует готовность к принятию беженцев и вынужденных переселенцев, размещая их у себя в рекордно короткие сроки и в огромном количестве. Так, в середине 1950-х гг. их насчитывалось приблизительно 900 тыс., в 1960-х гг. – 1,3 млн., в 1970-х гг. – 1,6 млн., а в 1980-е гг. – более 2 млн. Не считая беженцев в Судане, считающихся внутренними переселенцами, в настоящее время насчитывается более 6 млн. человек вынужденно проживающих за пределами своих родных государств, которые включают около 4,5 млн. палестинцев и приблизительно 1,5 млн. иракцев. В меньшем, но также в значительном количестве регион принимает выходцев из стран Африканского рога: эритрейцев и сомалийцев. Сам по себе факт, что сотни тысяч иракцев, наводнивших Иорданию и Сирию в 2005 и 2006 годах, могли разместиться в местных кварталах, а не в отдельных лагерях говорит об открытости этих обществ. То же можно сказать и о десятках тысяч сирийцев, нашедших приют в Ливане и Иордании.

Однако облегчая процедуру въезда и временное пребывание, правительства этих стран редко принимают соответствующее законодательство по закреплению официального статуса и дальнейшей интеграции этих лиц, а в большинстве случаев серьёзно ограничивают или исключают для них доступ к социальным правам и благам. Кроме Иордании процедура натурализации нигде не осуществляется в отношении иммигрантов и беженцев, включая их детей. Три поколения палестинцев после Накбы [النكبة, *an-Nakbah* - исход], то есть массового исхода 1948 г. с территории Палестинского государства, остаются ещё людьми без гражданства в соседних арабских странах, где их предки нашли приют и остаются с тех пор. Они ограничены при поступлении в школы, при обращении в систему здравоохранения, а также на рынке труда. В Ливане палестинцы до их пор ограничены в выборе сфер профессиональной деятельности, список которых включает до семидесяти наименований. Закон, предусматривающий частичную отмену этих ограничений, был подготовлен в 2005 г. и ратифицирован парламентом в 2010 г., однако министерский декрет, который должен был его исполнять, так и остался не подписанным². В этом плане можно говорить лишь об иорданской исключительности, где в результате аннексии Западного берега Трансиорданием и образования в 1949 г. Иорданского Хашимитского Королевства всё его палестинское население как исконное, так и беженцы получило гражданство. Впрочем, эта мера стала затем обратимой и в 1988 г. иорданский король Хуссейн, в одностороннем порядке разорвал все связи с Западным берегом, передав всю ответственность над оккупированными территориями Организации освобождения Палестины. В результате все иорданцы палестинского происхождения, проживающие на Западном берегу, потеряли иорданское гражданство. При этом с их стороны не было прошений о предоставлении иного, прежде всего, палестинского гражданства, не существующего на тот момент с точки зрения международного права, как и само палестинское государство, которое могло бы его предоставить. Указанные события противоречили и конституции самой Иордании.

Сходная ситуация наблюдается и в странах Магриба. Интегрирование иностранцев путем предоставления гражданства рассматривается скорее как исключение из правил, если вообще представляется возможным. Будучи транзитными странами и крупными поставщиками эмигрантов в Европу, Алжир, Мавритания, Марокко и Тунис сталкиваются с возвращением некоторых из них (реэмиграция), включая имеющих смешанное происхождение или тех, чьи дети уже родились в Магрибе. Существование принципа *jus sanguinis* по отцовской линии может ещё более осложняться обстоятельствами развода или вдовства, не позволяя матери с детьми, как иностранцам, получить доступ к гражданству. Мавритания и Тунис в 1960-е гг., а затем в конечном итоге Алжир, Марокко и Египет в 2000-х гг., распространили *jus sanguinis* на детей, родившихся в стране от родителей-иностранцев. Хотя данное нововведение скорее следует рассматривать как постепенное повышение статуса женщин, получающих всё возрастающие права в странах Магриба³ не связанное с пересмотром политики в отношении интеграции иммигрантов. Одним из возможных последствий событий Арабской весны должна стать возможность введения политики *натурализации* в рамках более гибкой и подходящей формы интеграции, что может предполагать получение иммигрантами определенных прав, которые по своему содержанию сходны с гражданскими правами, но без получения ими статуса гражданства. Однако пока лишь Марокко, кажется, выражает готовность следовать в этом направле-

¹ Karpat K. Muslim Migration: A Response to Aldeeb Abu-Sahlieh // International Migration Review. 1996. Vol. 30. №. 1. P. 79-89.

² Hanafi S. Stop humiliating Palestinian refugees // The Daily Star. 2012. March 16. P. 20.

³ Perrin D. Immigration and Citizenship Law in the Maghreb: Turning Aliens into Citizens // European Union Democracy Observatory on Citizenship, European University Institute, Florence. EUI Working Paper RSCAS 2011|40). URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/18054/RSCAS_2011_40.corr.pdf?sequence=3&isAllowed=y (24.09.2016).

нии, а его новая редакция конституции 2011 г. признаёт иностранных граждан, обладающих теми же фундаментальными правами, что и марокканские граждане. Такое положение во многом объясняется спецификой событий Арабской весны в этой североафриканской стране. Так, важнейшим отличием от Туниса и Египта, а затем от Ливии и Сирии стало то, что здесь у оппозиции не было требования смещения главы государства – короля Мохаммеда VI. В результате правящая элита согласилась на проведение конституционной реформы, затрагивающей как демократизацию политической системы государства, так и расширение прав этнических меньшинств. В частности, впервые берберский язык был признан государственным наряду с арабским, что говорит уже об изменении политики в сфере управления этнокультурным многообразием.

Наконец, в отличие от Восточного Средиземноморья государства Магриба вовлечены в европейскую политику по усилению пограничного контроля в отношении нелегальных мигрантов. По этой причине для них иммиграция в Магриб и эмиграция из Магриба в Европу и как следствие политика в отношении иммигрантов и эмигрантов являются взаимосвязанными. Многие европейские государства рассматривают взаимодействие с этими странами в области контроля над перемещением в направлении своих границ как приоритетное. Для государств Магриба это означает принятие ряда мер, которые могут способствовать как дальнейшей криминализации нелегальной миграции, так и нанесению ущерба их отношениям с государствами южнее Сахары. Однако они приняли контроль над нелегальной миграцией, поскольку это отвечает не только европейской повестке дня (безопасность), но также их собственным интересам – развитие через трудовую эмиграцию. В частности, контролируемый выезд с их территории стал главным козырем на переговорах по лучшей визовой политике. В результате оформление более современных подходов по гражданству неоднократно откладывалось, несмотря на большую готовность североафриканских стран следовать европейской риторике гражданско-правового дискурса.

Также следует упомянуть о существовании проектов общего арабского гражданства, введение которого возможно могло бы стать частью более фундаментального решения проблемы легализации статуса вынужденных переселенцев и беженцев. Концепция регионального арабского гражданства была предложена сирийским политиком и писателем З. Аль-Арсузи в 1965 г., но никогда не получала конкретного административного или политического воплощения. Конвенция по гражданству принятая Лигой арабских государств 5 апреля 1965 г. предусматривала ещё меньше прав в этом направлении, утверждая лишь, что любой, кто обладает гражданством любого арабского государства, является арабом, что относилось к вопросу о наднациональной идентичности к национальному государству как её единственному гаранту. Действительно, несмотря на упоминание арабской идентичности в преамбуле всех национальных конституций в регионе, исключая Израиль и Турцию, лица арабского происхождения нуждаются в паспортах и идентифицирующих документах для передвижения в регионе, хотя идентификация мигрантов и беженцев в регионе остаётся слабо формализованной по причине слабой или неэффективной бюрократии.

Таким образом, можно говорить о своеобразии миграционных процессов и политики управления ими, включая практику предоставления национального гражданства, сложившихся в регионе на протяжении последних десятилетий. Основной чертой можно назвать отсутствие чёткой формализации норм и правил, по которым осуществляется прибытие и дальнейшее проживание иностранцев на территории современных арабских государств, что в равной мере относится как к недавним переселенцам, так и к тем, кто проживает здесь в последующих поколениях. Основные механизмы осуществления подобной политики основываются на идеях общерабской и исламской идентичности, а также гарантиях со стороны правящих политических режимов, стремящихся использовать указанный фактор в качестве инструмента внешней и внутренней легитимности. Однако политические потрясения 2011 г., нарушив сложившийся хрупкий баланс на Ближнем Востоке, поставили на повестку дня вопрос о поиске новых подходов к проблеме миграции. Можно говорить, что сложившаяся практика арабских государств Ближнего Востока к проблемам иммиграции и предоставлению, в частности, национального гражданства переживает серьёзный вызов времени.

На наш взгляд, основная причина достаточно медленного продвижения в этом направлении заключается в консервативности политических режимов арабских государств Северной Африки и Восточного Средиземноморья в целом. Действительно, любое изменение в этой связи требует наличия политической воли, а также эффективных инструментов взаимодействия государства и общества. Само по себе реформирование политики в данной области требует весьма решительного отхода от сложившихся тенденций, а любое нововведение в этой сфере потребует признания факта существования этнокультурного многообразия в рамках традиционно гомогенных обществ.

Библиография

- Балашов Ю.А., Фомичева О.В. Особенности функционирования диаспоральных сообществ разделенных этнических групп // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 220-226.
 Рыжов И.В., Бородин М.Ю. «Арабская весна» как квинтэссенция межарабских противоречий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6-1. С. 252-256.

- Рыжов И.В., Золина Д.М. Миграционная политика Франции: опыт для России. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/polit_rigov.html. (25.09.2016).
- Сидорова Е.В., Кривов С.В. Тенденции и противоречия демократизации современных арабских обществ: роль исламского фактора // *Мировая политика*. 2015. №4. С. 41-52.
- Browsers M.L. *Political Ideology in the Arab World: Accommodation and Transformation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. .
- Castles S., Miller M.J. *Migration and Security // The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. New York. 2009. P. 150-210.
- Hanafi S. Stop humiliating Palestinian refugees // *The Daily Star*. 2012. 16 March. P. 20-40.
- Karpat K. Muslim Migration: A Response to Aldeeb Abu-Sahlieh // *International Migration Review*. 1996. Vol. 30. №. 1. P. 79-89.
- Perrin D. *Immigration and Citizenship Law in the Maghreb: Turning Aliens into Citizens // European Union Democracy Observatory on Citizenship*, European University Institute, Florence. EUI Working Paper RSCAS 2011|40). URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/18054/RSCAS_2011_40.corr.pdf?sequence=3&isAllowed=y (24.09.2016).
- Tibi B. *Arab Nationalism: Between Islam and the Nation-State*. New York: St. Martin's Press, 1997.
- Weiner M. Security, Stability, and International Migration // *International Security*. 1992. Vol. 17. №. 3. P. 91-126.

References

- Balashov Yu.A., Fomicheva O.V. Osobennosti funktsionirovaniia diasporal'nykh soobshchestv razdelennykh etnicheskikh grupp // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2008. № 5. S. 220-226.
- Ryzhov I.V., Borodina M.Iu. «Arabskaia vesna» kak kvintessentsiia mezharabskikh protivorechii // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2012. № 6-1. S. 252-256.
- Ryzhov I.V., Zolina D.M. Migratsionnaia politika Frantsii: opyt dlia Rossii. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/polit_rigov.html. (25.11.2015).
- Sidorova E.V., Krivov S.V. Tendentsii i protivorechiia demokratizatsii sovremennykh arabskikh obshestv: rol' islamskogo faktora // *Mirovaia politika*. 2015. №4. S. 41-52.